

УДК 821.161.1-1

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА БЛОКА В ОЦЕНКЕ ЖУРНАЛА «ДИАЛОГ» (1980) ¹

Ольга Викторовна Борзых

аспирант кафедры русской литературы XX-XXI вв.

Воронежский государственный университет

394006, Воронеж, пл. Ленина, 10. borzih.olga@yandex.ru

Предметом специального анализа в статье является «Анкета о А.Блоке», размещенная в третьем номере ленинградского самиздатского журнала «Диалог» (1980 г.) к 100-летию юбилею поэта. Проводится сопоставление содержания «Анкет о А.Блоке» и анкеты «Живые традиции», опубликованной в десятом номере журнала «Вопросы литературы» за 1980 г. «Анкета о А.Блоке» поднимала ряд важных вопросов, которыми блоковеды интересуются и в наши дни, в частности, вопрос о религиозной составляющей лирики Блока. Журнал «Диалог» – часть литературной и общественной жизни, в спорах и противоречиях формировавший современную ситуацию в литературоведении и критике.

Ключевые слова: самиздатский журнал «Диалог»; анкета; журнал «Вопросы литературы»; официальное советское литературоведение; поэма «Двенадцать»; национальный тип; столетний юбилей А.Блока.

В 1980 г. в Советском Союзе широко отмечалось столетие со дня рождения Александра Блока. Это событие было ознаменовано рядом мероприятий; во многих литературных журналах и газетах появились статьи и исследования, приуроченные к юбилею. Не осталась в стороне от этого значимого события и неофициальная культурная среда. Так, в третьем номере самиздатского «журнала полемики и критики» «Диалог» была напечатана анкета, посвященная личности и творчеству великого поэта. На вопросы анкеты отвечали не только поэты, но и литературоведы, искусствоведы и философы. Редакторы журнала – Кирилл Бутырин и Сергей Стратановский – сознательно расширили круг опрашиваемых, представляя петербургский литературный андеграунд 1970–1980-х гг. Всем участникам анкетирования было предложено девять вопросов, которые образовали сюжет противостояния официальному блоковедению.

Во вводном слове организаторы отметили, что «обычай проводить юбилейные анкеты – сравнительно недавний», но «мысль о них ничего, кроме усмешки или зевоты, не вызывает у читателя», потому что на ответах опрашиваемых, как правило, «лежит печать юбилейной запрограммированности» [Анкета 1980: 56]. По мнению редакции «Диалога», проводить анкетирование имеет смысл только тогда, когда реаль-

ность художественной рецепции заметно не совпадает с юбилейной установкой, а сам «юбиляр» вызывает у опрашиваемых противоречивые чувства. Именно такого рода ситуация, как они полагают, сложилась к началу 1980-х вокруг фигуры А. Блока.

Для выявления разницы «официального» и «неофициального» контекстов прочтения блоковского юбилея обратимся к 10-му номеру журнала «Вопросы литературы» за 1980 г. Анкета с названием «Живые традиции» открывалась следующими вопросами: «1) Какое место, по Вашему мнению, принадлежит Блоку в судьбах нашей культуры? 2) Как Вы расцениваете значение литературного наследия Блока для современности? 3) Какую роль сыграл Блок в Вашей творческой биографии?» [Живые традиции 1980: 24]. Анкета самиздатского «Диалога» была ориентирована на спор и рядом вопросов провоцировала несогласие с постановкой вопросов в официальной печати, например: «Мешает или помогает вам поэма “Двенадцать” воспринимать творчество Блока в целом, особенно творчество до 1917 года?» или «Какие чувства вызывает у вас проходящий юбилей поэта, формы его проведения, атмосфера?». Стоит заметить, что и вопросы «Диалога» во многом программировали ответы – только, преимущественно, с иным знаком. Если редакция «Вопросов литературы» хотела избе-

жать провокаций, то редакция «Диалога» во многом именно этого и добивалась, так как целью самиздата всегда было противостояние официозу.

Отвечая на первый вопрос анкеты «Устарел ли Блок? Лично для вас и вообще, объективно?», авторы «Диалога», конечно, сразу заметили, что ни один большой поэт устареть не может в принципе. С этим не спорили и авторы «Вопросов литературы», с пафосом доказывая в целом тривиальную истину. Так, Иван Драч писал: «Литературное наследие» – не странно ли звучит это словосочетание применительно к Александру Блоку? Ведь он современен с головы до ног! Современен распахнутостью своей щедрой, доброй и воинственно чуждой всякому лицемерию души» [Живые традиции 1980: 32]. Поэт С.Стратановский, напротив, считал, что Блок устарел именно в языке, в способах выражения: «С точки зрения современного читателя у Блока слишком много расхожих “поэтизмов”, слишком много связывает его с XIX веком» [Анкета о Блоке 1980: 112]. Ю.Колкер поддержал его непривычно резкой и политизированной оценкой классика: «Блок устарел потому, что наше время разительно отличается от его времени. Эпохи экзальтации создают и оправдывают спекулятивную поэзию» [там же: 78].

Следует заметить, что, несмотря на типологическое сходство отдельных вопросов, обусловленных «жанром» юбилейной анкеты, различий было больше. Это демонстрировал уже второй вопрос «Диалога»: «Является ли для вас Блок первым поэтом начала века, может быть, лучшим русским поэтом XX века?». В.Антонов, Т.Буковская, Т.Вольтская, Ю.Динабург, Е.Пудовкина высказались о недопустимости «табели о рангах» в разговоре о поэзии. Но все же большая часть респондентов считает Блока «первым поэтом начала века», но именно начала.

О.Охапкин признается: «Блок представляется мне именно протагонистом среди русских поэтов начала века. И в самом деле, кто из них создан был для этой ведущей роли в многосложной трагедии нашей литературы?» [там же: 99]. Многие анкетированные признали Блока первым, но не лучшим поэтом начала века. Ф.Чирсков объясняет это так: «Чтобы назваться лучшим поэтом XX века, нужно отразить основную коллизию века, а когда Блок умирал, эта коллизия еще только завязывалась» [там же: 116]. Поэтессы Т.Вольтская и Е.Пудовкина отказались считать Блока и первым, и лучшим поэтом начала XX в. В.Шенкман предложил другого кандидата на роль первой фигуры – О.Мандельштама.

Итак, очевидно, что у анкетированных «Диалогом» не было единой оценки Александра Блока, и это первое несовпадение с официальной точкой зрения. Ответы на вопросы анкеты «Живые традиции» более однородны: все опрошенные констатировали важную роль Блока в судьбах русской культуры. Так, Ираклий Абашидзе писал: «Русская поэзия начала XX века – прежде всего Александр Блок с его эпохальной всеобъемлетностью, глубиной постижений, высотой духа и масштабностью» [Живые традиции 1980: 25]. Л.Лавлинский в целом ему вторил: «В частности, одно из направлений нашей нынешней поэзии постоянно впрямую обращается к Блоку, объявляя его своим знаменем и являясь “продолжателем” Блока в узком смысле слова» [там же: 37]. Близкие оценки звучали и в других критических статьях юбилейного года – так, в статье Т.Глушковой в «Литературном обозрении» Блок едва ли не заслонял самого Пушкина.

Третий вопрос «Диалога»: «Воспринимаете ли вы творчество Блока как единое целое или отдаете предпочтение какому-либо тому, циклу?» связан с проблемами, существовавшими в блоковедении. Заметим, что С.Стратановский в свое время участвовал в семинаре Д.Е.Максимова, который в работе «Идея пути в поэтическом сознании А.Блока» впервые заговорил об этой проблеме. Мимо нее не прошли и респонденты «Вопросов литературы», т.к. исследования Д.Е.Максимова и В.М.Жирмунского о Блоке хорошо известны литературоведческой общественности. В этом еще один момент сходства позиций респондентов двух принципиально разных изданий – они работают в одном культурном и исследовательском поле. Вслед за Д.Е.Максимовым, авторы обоих журналов утверждают, что «наивно полагать, будто “Стихи о Прекрасной Даме” – это поэтическая вершина Блока» [Максимов 1981: 42]. Так же, как это принято в отечественном блоковедении, основной вклад Блока в русскую культуру они видят прежде всего в его стихах, посвященных Родине, например в цикле «На поле Куликовом». В связи с этим на память С.Стратановскому пришел 600-летний юбилей Куликовской битвы: «В чем-то символично это совпадение: Куликовская битва – утренняя заря, начало национального возрождения, а Блок – поэт вечерней зари, свидетель гибели старой России» [Анкета о Блоке 1980: 115].

Четвертый вопрос редакции «Диалога»: «Какое значение имеет для вас религиозно-мистический аспект поэзии Блока? Что вы думаете об отношении поэта к религии и мистике?» выводил разговор о поэте в область принципов

альных расхождений литературного андеграунда и официальной критики.

Обсуждение религиозно-мистического аспекта поэзии Блока было невозможно для участников «Диалога» без обращения к широко известной работе русского мыслителя, священника Павла Флоренского «О Блоке». Она отличалась довольно жесткой оценкой стихотворений Блока как откровенно демонических, но не зачеркивала глубинного содержания его лирики, ее возможностей: «Значительность поэзии Блока ... бесспорна, ибо бесспорно подлинна его мистика. Мистические предпосылки символизма могут быть поняты и оценены только в предпосылках подлинной религии, т.е. православия. Любой внеправославный подход к поэзии Блока должен считаться недостаточным для ее понимания...» [Флоренский 1990: 94]. Такая оценка была в известной мере неожиданной даже для начала XX в. Обращение к ней в поздние советские времена тоже вызвало противоречивые отклики. Для одних замечание Флоренского бесспорно (Ю.Динабург, В.Кривулин, О.Охапкин). Другие, напротив, считали его несправедливым (А.Арьев, Ю.Колкер, Е.Пудовкина, Е.Игнатова). Таким образом, на первый план вышло мироотношение Блока, что, вне всякого сомнения, было обусловлено отнюдь не только «юбилейными» проблемами. Самиздатский журнал «Диалог» пытался привлечь внимание к религиозно-мистическим аспектам лирики Блока как актуальной мировоззренческой и литературоведческой проблеме начала 1980-х гг., не имея возможности, разумеется, претендовать на полноту ее раскрытия. Как показало дальнейшее развитие блоковедения, да и всей отечественной филологии, эта тенденция научного поиска оказалась во многом симптоматичной, отчасти предвосхитившей широкое распространение «религиозной филологии» в 1990-е.

Следующий вопрос «Диалога» подготовлен предыдущим: «Мешает или помогает поэма “Двенадцать” воспринимать творчество Блока в целом, особенно до 1917 года?». Как известно, поэма «Двенадцать» до сих пор неоднозначно трактуется исследователями: кто-то воспринимает ее как венец «трилогии вочеловечения», кто-то как изображение гибельного пути России. Большинство авторов «Диалога» отметили, что поэма «Двенадцать» не мешает им воспринимать творчество Блока как единое целое, а наоборот, помогает. Их мнение разделяли также поэты, принимавшие участие в опросе журнала «Вопросы литературы». Но для многих она все-таки являлась «камнем преткновения» (В.Шенкман, Г.Левинтон, К.Бутырин). Впрочем, раздражение респондентов вызывала не столько сама поэма,

сколько ее трактовка в официальном советском литературоведении.

Действительно, восприятие поэмы в критике советского времени было противоречиво. В поэме зачастую видели политическую агитку. Но были и работы, в которых предпринимались попытки предложить иной взгляд на проблематику текста. Так, В.М.Жирмунский указывал, что в этой поэме «речь идет, прежде всего, не о политической системе, а о спасении души» [Анкета о Блоке 1980: 114]. Наибольшее количество критических замечаний у респондентов «Диалога» вызвала работа Вл.Орлова. Критик оценивал поэму как значительнейший художественный памятник начала революционной эпохи, свидетельствовавший о восторженном признании поэтом великой пролетарской революции. (Заметим, что в анкете «Живые традиции» работы Вл.Орлова оценивались очень высоко, он был назван «известным автором самой лучшей книги о Блоке» [Живые традиции 1980: 40].)

Следующий вопрос «Диалога»: «Что вы думаете о Блоке как человеке? Как индивидуальной личности и русском историческом типе?» – вводил разговор о Блоке на новый уровень и в известной мере возвращал к спорам предреволюционной поры об ответственности поэта перед историей. Резкое замечание Ю.Колкера о «спекулятивной поэзии», процитированное выше, лежит в этой же плоскости. Большинство опрошенных увидели в Блоке воплощение русского исторического типа и попытались дать его описание. А.Арьев определил этот тип так: «Блок – один из ярчайших носителей психологии русского “кающегося дворянства”, усугубленной его “немецкой” честной потенцией. <...> Тип Блока – это тип “старшего” героя Достоевского, тип Версилова, даже Ставрогина» [Анкета о Блоке 1980: 61]. Обращение к персонажам Достоевского в таком контексте вполне традиционно. С одной стороны, это апелляция к русской классике, с другой – напоминание о ситуации рубежа веков, когда голос классики не был услышан. Тип русского кающегося дворянина в советском доктринальном сознании был связан с толстовством в ленинской оценке. В конце советского периода возвращение к проблематике начала века означало только одно – стремление пересмотреть и переоценить ситуацию предреволюционной России. Не случайно в анкете «Диалога» внимание было акцентировано на цикле «На поле Куликовом» и поэме «Двенадцать».

Седьмой вопрос анкеты: «Чем вы объясняете большую популярность Блока в читательской массе, в официальном советском литературоведении – особенно по сравнению с современни-

ками? Справедливо ли такое положение вещей?» – был продолжением уже начатого разговора. Восемь человек из девятнадцати опрошенных признали, что на популярность Блока в читательской массе и в советском литературоведении повлияла поэма «Двенадцать», которую официозу было легко трактовать как знак безоговорочного принятия Октябрьской революции. С точки зрения авторов «Диалога», именно благодаря ей А.Блок оказался главным «вновь разрешенным» поэтом. По мнению К.Бутырина, блоковедение даже стало специфической разновидностью советской идеологии. В известной мере из-за этого обстоятельства, по мнению участников опроса, оказались несправедливо забытыми другие поэты Серебряного века – Сологуб, Анненский, Белый, Гумилев. Результатом такого забвения стала пропасть между поэтическим XIX в. и веком XX. Кстати, эта же мысль констатировалась и в «Вопросах литературы». «А попробуйте хоть на миг изъять Блока из русской поэзии – кем и чем еще можно заполнить ту зияющую бездну, которая образуется в этом случае между классической русской поэзией и русской советской поэзией?!», – задавал Геворг Эмин, как оказалось, далеко не риторический вопрос [Живые традиции 1980: 48].

Но не все опрошенные журналом «Диалог» объясняют популярность Блока только его разрешенностью и доступностью по сравнению с другими поэтами Серебряного века. Уже упоминавшийся К.Бутырин увидел причину устойчивой популярности Блока в необычайной силе его лиризма, Т.Вольтская объяснила внимание к нему «музыкальностью, песенностью, глубокими национальными корнями его поэзии, обращением к вечному» [Анкета о Блоке 1980: 72]. Казалось бы, бесспорные мнения не были бесспорными для всех реципиентов «Диалога». Как писал О.Охупкин, «характерно, что споры о Блоке не утихают и в самиздате. Все это указывает на то, что именно Блок из всех его современников является магистральным, ключевым поэтом начала века» [там же: 107].

На вопрос редакции «Диалога»: «Изменилось ли существенно ваше отношение к поэзии Блока в зрелый период вашей жизни?» большинство анкетированных ответили, что пережили и период огромной любви, и период «антипатии», и период своеобразной «оттепели» чувств. Подобное изменение отношения к лирике Блока было характерно и для современников поэта, для которых он в начале своего пути был человеком-легендой, духовным ориентиром, образцом нравственной чистоты. Но после первой русской революции тон поэзии Блока изменился, изменился

и облик поэта в глазах современников. Восторженный провозвестник светлых времен стал падшим ангелом, обрел роковую двойственность. Таким видели его в ту пору И.Анненский, Вяч.Иванов, да и юный О.Мандельштам.

Анкету завершал вопрос анкеты о 100-летнем юбилее: «Какие чувства вызывает у вас проходящий юбилей Блока, формы его проведения, атмосфера?» Почти все признались, что в освещении юбилея в официальной критике они видят много фальши и лжи. Но некоторые отметили в нем и ряд положительных моментов, например, открытие музея поэта в Ленинграде, запланированное собрание его сочинений, появление многих новых материалов, которые без юбилея много лет ждали бы опубликования или просто не были бы подготовлены к печати; выделили и ряд неформальных мероприятий. Так, в Тартуском университете, несмотря на запрещение большой официальной конференции, почти «приватно» был сделан ряд докладов. Не забудем, что в Тарту работала З.Г.Минц, крупнейший исследователь творчества Блока, объединившая в 1960–1970-е гг. блоковедов, труды которых составили более десяти «Блоковских сборников», сохраняющих свое научное значение и в наши дни.

Следует заметить, что опрошенные «Диалогом» в целом критично отнеслись к советскому литературоведению, в частности к блоковедению, хотя объективно результаты его были неравноценны. Нельзя пройти мимо работ, заложивших основы блоковедения. Это труды Д.Максимова («Поэзия и проза А.Блока»), В.Жирмунского («Поэтика Блока», «Анна Ахматова и Блок»), П.Громова («Блок, его предшественники и современники»), это и труды Тартуской школы. «Блоковские сборники» открывали неизвестного Блока, в его живых связях со своим временем, в реальной сложности его творчества. Впервые в них можно было прочесть о взаимоотношениях Блока с М.Кузминым, В.Розановым и другими современниками. Медленно, но верно Александр Блок уже в советские годы из «спорной» литературной величины превращался во вполне бесспорную, хотя временами его популяризация, по меткому определению Д.Е.Максимова, и превращалась в «нечто напоминающее победоносно-маршевое восхождение к заранее известным рубежам» [Максимов 1981: 142].

Значение анкеты, опубликованной в «Диалоге», таким образом, состоит в попытке впервые в СССР предложить идеологически не ангажированное прочтение творческого наследия А.Блока с учетом противоречий его творческой практики и неоднозначности авторской позиции. В этом

смысле блоковская анкета, опубликованная в ленинградском самиздате, во многом предвосхитила многие новейшие линии развития блоковедения. Существенно и другое: то обстоятельство, что в анкете приняли участие современные поэты, развивающие модернистские традиции, выявило степень востребованности творческого наследия Блока в контексте современных художественных практик, обнаружило многовариантность и неоднозначность художественной рецепции его наследия современной литературой.

Анализ «Анкеты о А.Блоке» в самиздатском «Диалоге» сегодня интересен не пересказом отдельных точек зрения. Журнал – часть нашей литературной и общественной жизни, в спорах и противоречиях формировавший современную ситуацию в литературоведении и критике. И то, что в 1980 г. в связи поэзией А.Блока предметом обсуждения стали острые, злободневные проблемы культурной и общественной жизни, – несомненное доказательство того, что мы имеем

дело с наследием классика русской литературы, обратившегося к «вечным вопросам» национального бытия.

Примечание

¹ Данное исследование выполнено в рамках проекта «Литература самиздата: формы художественной саморефлексии» по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК-14.740.11.1118 от 30.05.2011).

Список литературы

- Анкета о А.Блоке* // Диалог. 1980–1981. №3. С.56–120.
Живые традиции // Вопр. лит. 1980. №10. С.24–51.
Максимов Д. Поэзия и проза Ал.Блока. Л.: Сов. писатель, 1981. 552 с.
Флоренский П. О Блоке // Лит. учеба. 1990. №6. С.93–103.

THE PERSONALITY AND ALEXANDER BLOK'S CREATIVITY IN ESTIMATION OF THE JOURNAL "DIALOGUE"

Olga V. Borzih

Post-graduate Student of Russian Literature Department
Voronezh State University

The article focuses on the analysis of «The questionnaire about A.Blok », placed in the third issue of the Leningrad samizdat journal “Dialogue” (1980), and is dedicated to the poet’s centenary. In the article the comparison of «The questionnaire about A.Blok» and the questionnaires “Live traditions”, published in the tenth issue of the journal «Voprosy literatury» (Literature questions) is made. «The questionnaire about A.Blok» is devoted to a number of important issues, which scholars, studying Blok’s creativity, are interested in today, for example, the problem about a religious component in the lyric poems written by A.Blok. The journal «Dialogue» is a part of literary and public life, which in disputes and contradictions determined the present state of literary studies and criticism.

Key words: samizdat journal «Dialogue»; questionnaire; journal «Voprosy literatury»; official Soviet literary criticism; poem «Twelve»; national type; A.Blok's centenary.